

Опыт пространства в развитии: тело, движение, глобализация

Жизнь человека проходит в пространствах: человек входит в него, находится в нем, покидает его и возвращается назад. Динамика и временной характер жизни ведут к смене пространств и превращают их в переходные пространства, в которых случаются разнообразные события, но долговечное пребывание там невозможно. Жизнь развивается в телесном пространстве матери, в квартире, на улице, в школе, в деревне или в городе, в офисе, на природе или в путешествии. Пространство и время — условия человеческого тела, которое само пространственно и которое, как и все организмы, подвержено воздействию времени. Мы живем в разнородных пространствах с различными требованиями и опытом. Ускорение времени действует не только на скукоживание пространства, но и ведет к его преобразованию и тем самым к новому опыту пространства.

Мы переживаем пространство в связи с пространственностью нашего тела. Если мы вернемся в пространства нашего детства, то они нам покажутся меньше, чем они сохранились в нашей памяти; масштаб нашего восприятия пространства были размер и подвижность нашего детского тела. Ведь мы переживаем пространство не только в связи с величиной тела, но и в связи с его движениями. Уже в младенцы начинают управлять своим восприятием с помощью движения тела. Движения – это форма, в которой мы осваиваемся с окружающим миром. Ползающему малышу пространство открывается иначе, чем ходящему; бегающий человек переживает его иначе, чем едущий на велосипеде, на машине или по железной дороге. В автомобиле и в поезде возникает другая скорость движения, превосходящая естественные возможности человеческого тела, эта скорость нивелирует пространство и превращает его в образ. С меньшими усилиями тела мы движемся сквозь такого рода «пространства образов». В полете скорость увеличивается еще больше. Человек летит сквозь пространство, даже над пространством. То, что в нем находится, превращается в миниатюру. Деревья, улицы и озера становятся точками, линиями и поверхностями. Важны только цель и желание быстро ее достичь. Путь при таком ускоренном движении уже не может быть целью.

Пространство переживается в зависимости от движений человеческого тела. Это показал в своих антропологических сочинениях Гелен. Согласно

его точке зрения, движения в пространстве вызывают «ответное поведение», которое складывается в опыт как «качества окружения»¹. Движения имеют «речевую умеренность» и коммуницируют с вещами и пространствами. Они есть формы обращения с ними и одновременно выразительный образ действия. Они в плоскости моторики образуют «сокровищницу безмолвного опыта». Движения человеческого тела соотнесены с другими движениями в пространстве, будь то движения людей или вещей. Все вместе они образуют пространство движений. «Пространство движений содержит много больше, чем просто наличную ситуацию. Они наслаиваются на предвосхищаемые, в данный момент еще неосуществленные движения, то есть на еще возможные, но все-таки уже присутствующие в тех, что воспринимаются. Это присутствие-бытие есть предвосхищение, которое не когнитивно, то есть происходит не в акте познания, а непосредственно через усмотрение: «'Рассматривают движения', что из них развивается. Вещи для действующего 'нагружены предписаниями по обращению с ними и инструкциями по их использованию'»². Пространство движения конституировано *символически*. Данное — это предчувствие того, что произойдет³. Этот символический характер пространства движения — достижение человеческой фантазии, вымещенной в движения тела.

Дети испытывают пространство и находящиеся в нем предметы, считая их преисполненными значения. Когда они раскрывают их с помощью движений тела, то эти пространства и предметы оставляют в их телах свой осадок. Инкорпорируется их символический характер, вызывая окультуривание ребенка. В этом процессе дети активны. С помощью движений они расширяют поле своих контактов и действий. Своим желанием превратить внешний мир во внутренний они конструируют как внешний так внутренний миры. В мимезисе пространства и происходящих в нем действий, находящихся в нем людей и вещей возникает символический, культурно оформленный характер восприятия, движения и действия⁴.

То, как осуществляются эти процессы, описал Беньямин в своей автобиографии «Детство в Берлине в 1900-ые»: здесь пространства играют важнейшую роль. Они становятся организационными блоками детской жизни. В особенности такие пространства как углы, тайники, дупла, эркеры, шкафы, комоды, пороги становятся местами опыты и воспоминания. При

¹ Gehlen A. Der Mensch. Seine Natur und seine Stellung in der Welt. Wiesbaden, 1978, S. 170.

² Ebd., S. 223.

³ Gebauer G. Bewegung. S. 503.

⁴ Gebauer G., Wulf Ch. Mimesis; dies.: Spiel, Ritual, Geste.

открывании шкафа ребенок в движении туда-сюда узнает о внешнем и внутреннем, о скорытии и раскрытии, о принципе вложенности. Внутренность коробок и шкафов становится самым интимным и интенсивным переживанием домашнего детства, самым священным семьи. Собираание бабочек, марок и тому подобного, а также хранение предметов в коробочках также указывает на связь со священным, которое раскрывается только в миметическом прочтении пространств, коллекций, знаков и чувственных связей. Детство означает уподобление себя пространствам окружающего мира, чтение соответствий и расшифровывание.

В этих воспоминаниях явно обнаруживается, что культурно оформленные социальные пространства раскрываются с помощью чувств и чувственным образом попадают в память тела. После убедительного изложения Мерло-Понти мысли о том, что Я и ситуативно упорядоченный мир неразрывно сплетены друг с другом, более уже не считают, как при Плеснере и Гелене, что между мышлением и Я, и телом есть «хиатус». Хотя в мышлении и можно освободиться от рефлексов тела и, рассуждая, подняться над ним, но для непосредственного наблюдения тело никогда не находится в распоряжении того Я, которое в нем обитает. Человек не может господствовать над ним; его невозможно игнорировать и превратить в средство. Социальный мир не относится ко мне как Я-центру, а пронизывает все мое тело так, что в этом взаимопроникновении субъекта и мира Я формируется как инстанция, непосредственно связанная с телесным, как социально и культурно созданная конструкция, только аналитически отделимая от тела, которое в свою очередь тоже всего лишь конструкт⁵.

Механизмы социализации тела были рассмотрены Фуко в таких специфических социальных пространствах как клиники, дома умалишенных, казармы, школы. Функции этих заведений определяют их пространства. Они предопределяют взаимодействия и нормируют их в соответствии с присущими им общественными задачами и отношениями власти. В институционализированных социальных пространствах налицо ожидание от задействованных в них людей, например, того, что он будут инсценировать ритуалы, исполнять их и представлять себя тем самым членами соответствующей институции. Осуществляющиеся при этом процессы в значительной степени неосознанны и именно поэтому их воздействие оставляет глубокий след. Хорошим примером является пространство школы. Такое пространство, созданное в пределах какой-либо институции, связано со специфическими общественными функциями, выполнения которых

⁵ Gebauer G., *Wulf Ch.* Mimesis; dies.: Spiel, Ritual, Geste, S. 23 ff.

требуют и добиваются в этом месте. В пространстве школы происходит обучение, например, в ритуальных инсценировках. С их помощью развиваются новые формы поведения и вписываются в тела детей. Они возникают в движениях тела, связанных с социальной функцией школы, которые составляют габитус школьника. Эти движения школьник производит, с одной стороны, в своей персональной манере, с другой же стороны, они ориентированы на модели поведения, предписания и нормы, предзаданные пространством школы. Ритуальные движения и жесты детского и юношеского тела конститутивны в двух аспектах: «Они создают не только материальный мир тела и окружающих вещей, но и воздействуют на внутренний мир личности, поскольку они способствуют возникновению поз, установок и оценок, которые больше, чем просто психическое сопровождение или вторичный эффект»⁶.

Пространство — это конститутивный элемент для восприятия, движения и опыта, который обнаруживается во всех сферах общественной жизни, в политике, экономике, науке и воспитании и его проявления меняются в ходе развития общества и культуры. Лефевр предложил следующие разграничения для анализа некоторых размерностей пространства⁷:

- *Пространственные практики.* Они формируют пространство коллектива, проектируют, создают и изменяют его в ходе исторического развития. Они различаются в зависимости от культуры. С помощью исследования общественных пространств можно идентифицировать различные практики социального оформления пространства.

- *Репрезентации пространства.* Как в сообществе репрезентируются пространства? Какие структурные подразделения, функционализации, иерархизации имеют место? Как понимают и представляют себя пространства планировщики города и помещений, ученые и художники?

- *Пространства репрезентации.* Какие есть пространства для представления и репрезентации? Где и как можно представить и прокомментировать человеческую жизнь, например, в образах, фотографиях, кино или символах?

Изменения, обозначаемые термином *глобализация*, привели к новым пространственным практикам, к измененным формам репрезентации

⁶ Gebauer G. Bewegung. S. 507.

⁷ Lefebvre H. La production de l'espace. Paris. 1981. S. 48 f.

пространства и к другим пространствам репрезентации⁸. Прежде чем мы обратимся к новому опыту пространства, заданному этими изменениями, давайте бросим взгляд на некоторые из их исторических предпосылок.

К этим предпосылкам относится, например, переход от устной к письменной культуре, благодаря которому стало возможным вырвать события из их локальной закреплённости и перенести в другие исторические времена и другие географические пространства и тем самым расширить границы пространства и времени. Изобретение книгопечатания усилило эту тенденцию. Теперь в независимости от пространства и времени их возникновения тексты и образы могут быть доступны в большом количестве. Тем самым был сделан первый шаг к распространению текстов и образов по всему миру. В эпоху Ренессанса и в начале Нового времени последовали дальнейшие изменения в понимании пространства. Вновь была открыта евклидова геометрия, была изобретена *camera obscura*. С распространением центральной перспективы нормой стало новое понимание пространства. В картографии этого времени также возникают новые формы репрезентации пространства. В начале XX века в живописи кубизма опять намечается трансформация. В образах кубизма представлены фигурные композиции из различных пространственных и временных перспектив, сконцентрированные до одного визуального момента. В фотографиях и фильмах этой эпохи также решительно освобождаются от перспективного пространства.

Перелом, названный глобализацией, привел к сокращению расстояний. Это развитие, во-первых, результат современных транспортных средств, которые позволяют добраться с одной стороны Средиземного моря до другой за два часа, в то время как еще несколько десятилетий назад на это уходили дни и даже недели. Во-вторых, эта ситуация является последствием ускорения образов, слов и текстов, информации и новостей в телекоммуникации. *Вездесущность* и *одновременность* — характеристики новых медиа. Радио и телевидение, телефон, автоответчик и факс, Интернет и электронная почта сделали человека повсюду достижимым. В рамках этого развития приходят новые формы глобального сетевого соединения капитала и информации, промышленного производства и распределения продуктов производства. Всемирно действующие концерны организованы по принципу разделения труда. Они имеют свои концептуальные и организаторские центры в больших городах и метрополиях или вблизи них, а их производства и центры распределения расположены в других местах; третье место они выбирают в качестве резиденции самой фирмы. Целью этих

⁸ Castells M. *The Rise of the Network Society*, Maiden/Oxford 1996.

мультинациональных концернов является максимально выгодное по стоимости производство товаров и их сбыт по всему миру. Чтобы этого достичь эти транснациональные концерны сталкиваются друг с другом конкурирующие за инвестиции и рабочие места национальные государства. Никакое место, никакой регион не являются незаменимыми. Чаще всего для глобального рынка неважен особенный характер пространства. Поэтому правительства и государства все чаще оказываются перед опасностью потери контроля над валютой, налогами и рабочими местами.

Телесвязь, телешопинг, компьютерные базы данных, трудоустройство через Интернет создает новое информационное и коммуникационное пространство, превышающее региональные и национальные границы, в нем пространственная удаленность не играет никакой роли. Для новых медиа нет разницы, находится ли собеседник в Японии или в соседней комнате. Преодоление пространства в телекоммуникации требует трансформации любого события в слово, образ и текст. Только в этих формах сообщения могут быстро преодолевать пространственную дистанцию. В силу своего синтетического характера электронные образы также ведут к пространству представления на поверхности экрана. Поскольку на преодоление пространственного расстояния почти не требуется времени, то в такой ситуации можно усматривать утрату значения не только пространства, но и времени.

Глобализация информации и коммуникации, капитала и экономики вызывает также изменение культуры. Если прежде культура была чаще всего связана с территорией и историей постоянно проживающего здесь народа, то сегодня эта связь между географическим пространством и историей, нацией и культурой переживает глубинные изменения. С потерей национальными государствами суверенитета из-за методов функционирования и действия мультинациональных концернов, со все возрастающей передачей права решения транснациональным организациям и с комплексным усложнением в мировом сообществе появляются существенные изменения и в национальных культурах. На их территориях возникают *транснациональные* центры, из которых управляют на всемирно уровне политикой и медиа, финансами и наукой, технологиями и рынком. Для работы в этих глобальных центрах нужна особая компетентность в сфере языка, коммуникации, науки, культуры. В этих *транскультурных* центрах власти, в которых сталкиваются люди различных культур и принимают решения, затрагивающие людей весьма разнородных сообществ, нужны новые формы межкультурного сотрудничества. Чтобы удовлетворять этим требованиям недостаточно ориентации на национальную культуру или региональные культурные круги.

Нужны новые формы межкультурного понимания, знания и деятельности. Из этих требований вытекает необходимость понимать сегодняшнее воспитание и образование как *межкультурную задачу*⁹ и соответственно их организовывать.

В свете этой тенденции все важнее для глобальной совместной жизни становятся формы обмена между различными культурами. Для обозначения этого процесса Роланд Робертсон ввел понятие «глокализация». Оно дает ясно понять, что многочисленность и многообразие локальных культур не должно уступить единой глобальной культуре, а что скорее речь идет о наслаивании и перемешивании локального и глобального, ведущих к различным формам «глокализации». Поэтому главной задачей воспитания и образования становится работа по пониманию *общности и различий*¹⁰. Этому сопутствуют новые задачи, концепты, перспективы и точки отсчета; нужна новая транснациональная лояльность и новые альянсы. Движения за мир и экологию уже давно выступают за такие ценности, пересекающие культуры и границы государств. В акциях по поводу планов концерна Шелл затопить в Северном море нефтедобывающую платформу и по поводу ядерных экспериментов французского правительства в южной части Тихого океана обнаружилось новые стратегии региональной и глобальной солидарности. Для развития Европейского Союза очень важно, чтобы такие формы транснациональной европейской лояльности развертывались и дальше. Для этого, несомненно, необходимо понимать и принимать различия между различными культурами, а также обнаруживать и укреплять общие черты.

Эти изменения возникают из-за динамизации пространства под влиянием ускорения времени. Мобильность людей и символов снимает их традиционную привязанность к пространству. Перемешивание локального и глобального ведет к новым формам культурной идентичности, которые наслаиваются на унаследованные формы. Пространство, время и самость вступают в новые отношения. Человек больше знает о событиях в Вашингтоне, чем о происшествиях поблизости. Пространственная и временная ориентация собственной деятельности все чаще связана с людьми в отдаленном регионе мира. Опыт виртуального общения с ними — часть плюральности и гетерогенности сегодняшнего опыта пространства, который

⁹ Wulf Ch. (Hg.) Education in Europe: An Intercultural Task. Muenster, New York. 1995; Dibié P., Wulf Ch. (Hg.). Vom Verstehen des Nichtverstehens. Ethnisozilologie interkultureller Begegnungen. Frankfurt/M., 1999.

¹⁰ Wulf Ch. (Hg.) Education for the 21st Century. Commonalities and Diversities. Muenster, New York. 1998.

приобретают современные дети и подростки и который составляет комплексность их отношения к жизни.

Перевод с немецкого Г. Р. Хайдаровой